

Утро свалилось на Натану как-то совсем
уже неожиданно. Она в ужасе открыла глаза,
будто по чьей-то шалке пальцев, схватила
телефон, уставилась на время, судорожно
прокивая неработающий будильник, затем
вскочила, и вскочила очень энергично, так,
что сердце было и предполагает, что она
уже много ночей подряд будто и не спит,
а если спит, то, кажется, чувствует вину
за это. Одним словом, она готова была
за буквально короткое время возвратиться
из дома, и, как это бывает в самых
базильных комедиях (а не комедия ли
жизнь?), вдруг пошла, или, вернее сказать,
реодумалась, что дело был выходной, а зна-
чит, переносок был напрасным. Скорешнее
своими теперешним открытием, она подошла
к окну, отвернула шторы и предпрително,
даже с вызовом, уставилась куда-то вдаль.
Была середина сентября, и после продолжи-
тельных, сильных, байках мвией устанави-
лась та особая теплая солнечная пого-
да, которая осенью почему-то держала
порой людей в страшном напряжении, а
то, может, и в страхе. Натанна вдруг
отвернулась от окна и сделала это
быстро и грубо, попыталась набрать воз-
духа в грудь и потерпела неудачу. Теперь

(в этом-то была страшность) она окончатель-
тельно проснулась, покриветствовала выходя-
щей солнечный день, попробовала смериться с
ним и... вырвалась. Учеба в "трехлетней
старшей школе" сводила девочку с ума, а
все-таки она предпочла бы, наверно, тыся-
чу раз предпочла бы тысячу рабочих черев
одному солнечному свободному дню, казавше-
муся ей пошлым и уродливым, застав-
ляющему ее чувствовать себе будущет-
ной, и потому в одне миг ей предста-
вилось, что она стоит на сцене перед
публикой освещенная прожекторами, но,
разумеется, не то в костюмном одеянии, не
то просто нагой. Наташа вздрогнула. Из-за
двери не доносилось ни криков, ни топота,
значит, дома была она одна. Она ухмыл-
нулась и, конечно, могла себе это позволить,
поскольку не знала, что оба родителя,
озабоченные киническим (или моральным,
чтобы точнее) состоянием дочери, решили
непрерывно посетить семейного психотера-
певта, найти корень всех проблем, пощипать
ручку своего ребенка, исправить что-то,
что наверняка нужно было исправить, и
стать идеальными родителями, а уж
уждай об этом Наташа, она точно пришла
бы в бешенство и слова бы закричала.

„Поколение, — говорила ей мать, — воспитано модями все старой закалки, а испортило нас, совсем испортило. Много думают о ненужных вещах, да сами страдают, а толку-то?“ А толку-то? Наташа и об этих словах много думала, и, поверное, правда, в ее все мыслях, в перепахтении суждений, взвешиваний, обрывов в голове и во взрослении была проблема, если, конечно, какая-то проблема действительно существовала, а все же девочка не опала, балелась себе и своим мыслям, а сильнее всего балелась свободным временем, и не любила его, и презирала потому только, что оно-то предоставлено позволяет направить все нервы, которой было достаточно, на самоанализ теоретически, а практически, должно быть, на самобичевание.

В последнее время, однако, она чувствовала, что должна быть какой-то выход, и даже знала, что непременно уи должен быть, но не имела ни малейшего понятия, где же он, выход-то.

Наташа, сохранив спокойствие, заварилась кофе и включила телевизор, хоть и пощелкала прекрасно, что телевизионная программа, призывавшая окрасить доску, сейчас же предоставит ей почву для новых дум, да почву, которая более всего подходит для

разрывали в ней лютый, каменный. Девочка
пришлась щелкать какалы (механически, ду-
мола, мое дело, о друтом), но неокрашно
для самой себе вдруг стала белая на
трамплине фортепианного концерта. Да-
же музыка была ей знакома, как будто вы-
стукивал по клавишам „Революционный этюд“
Шопена. Наташа, окончившая и музы-
кальную школу в свое время, этот этюд
не только знала, но и любила, потому что
любила, ит, видя в нем переживания
не известного композитора, человека пред-
де всего. Верела и чувствовала все: боль,
шев, шорохание, обиду, отвержение насчи-
сле. Чувствовала теперь, как и всегда.
Вдруг будто молнии поразила девочку. Она
медленно встала, глаза ее были полны
безумия, и как-то неуверенного счастья,
и слез. И она встала. И быстрым, хоть
и тяжелым шагом подошла к инстру-
менту. Все вспомнилось ей, все представи-
лось, она разом ощутила все, что ощу-
щала поочередно на протяжении меся-
цев, она стояла молчать в этих стран-
ных, ни на что не похожих эмпии и
уже потонула их сполна. Слезы высохли.
Руки перестали тремиться. Наташа зам-
рала. Она замрала, она пожималась на

Бетонковые октавы с яростью и с любовью, и не помини, попадали звуки один за другим, взрывают гре-то внутри нее, наверное, в самой груди, затем поднималась и выплескивалась наружу в мир, в свет. Девочка содрогалась от смеха и, от рыдающей, от того и, что почувствовала, что не ощущает более себе, что ад, настоящий ад и у ее головы существует, но существует в данный момент все ее. И она пришла, что теперь ей легко, и пришла это проще даже чем то, что играла она что-то новое, что-то созданное ею самой. Она прекратила, перевернула рыдание и улыбнулась.

Солнце все так же ярко светило, когда родители вернулись домой. Они вернулись с багажом знаний, с тактикой, конечно, с яростным желанием сделать своего ребенка счастливым. И они вошли в каминную комнату ровно так, как войти было задумано. А она спала, сидя за инструментом, и все улыбалась. Рядом валялись испещренные котомки мамы. Валялись на полу и на фортепиано и создавали какой-то хаос, и сами были хаосом, а только так было нужно, и так все оставалось в это долгое мгновение:

два взрослых человека, много еще не смывших, но все уже пошевших или даже пришевших, моты, не содержащие никаких слов, а все-таки так о многом говорившие, охватывае специальная девочка и щедро освещающее камнату, не являющееся уже более бесмысленным, неустанным и бесконечно ласковее осеннее солнце.

